

DOI: 10.12731/2576-9634-2025-9-4-248
УДК 347.63:618.19

EDN: ECUYJO

Научная статья

АНАЛИЗ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА: ОСНОВНЫЕ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ

Д.И. Джулай

Аннотация

Обоснование. Настоящая статья посвящена анализу гражданско-правовой природы договора суррогатного материнства и структурных особенностей его правового регулирования. Несмотря на то, что фокус настоящего исследования, в основном, сосредоточен на изучении гражданско-правовых характеристик соответствующего договора, в отдельных случаях к соответствующим правоотношениям применяется комплекс императивных норм публичного и семейного права.

В частности, в статье анализируется влияние конституционных гарантий и медицинских предписаний на пределы реализации принципа автономии воли сторон, а также обсуждаются доктринальные позиции, предлагающие альтернативные модели квалификации договора.

В качестве ключевого обоснования важности исследуемой темы выступает необходимость систематизации элементов правовой природы договора суррогатного материнства в условиях отсутствия специального регулирования и высокой социальной чувствительности исследуемых правоотношений.

Цель. Целью исследования является формирование целостного представления о гражданско-правовой характеристике договора суррогатного материнства, а также выявление основных и альтер-

нативных подходов к его классификации в рамках современной правовой доктрины.

Методология. Исследование основано на совокупном применении сравнительно-правового, формально-юридического и системного методов, а также принципа историко-правового анализа – в отношении доктринальных источников и нормативно-правовых актов федерального законодательства.

Результаты. Результаты исследования заключаются в формулировании авторских выводов о комплексной природе договора суррогатного материнства как особого вида обязательственного соглашения, сочетающего частноправовые и публично-правовые элементы, а также в установлении устойчивых классификационных признаков, позволяющих определить его гражданско-правовую характеристику. Кроме того, в тексте настоящей статьи подробно обосновано отсутствие фидуциарного характера соответствующих правоотношений и выявлено значение публичных интересов в формировании императивных ограничений, характерных для исследуемой договорной конструкции.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и совершенствовании нормативных правовых актов в сфере семейного и гражданского права, в экспертной и законотворческой деятельности, а также в рамках учебных курсов и научно-практических комментариев по вопросам регулирования суррогатного материнства и репродуктивных прав граждан.

Ключевые слова: искусственное оплодотворение; экстракорпоральное оплодотворение; ЭКО; договор возмездного оказания медицинских услуг; договор оказания услуг суррогатного материнства; суррогатное материнство; гражданско-правовая характеристика

Для цитирования. Джулай, Д. И. (2025). Анализ гражданско-правовой характеристики договора суррогатного материнства: основные и альтернативные подходы. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 9(4), 125–149. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2025-9-4-248>

Original article

CIVIL LAW CHARACTERIZATION OF SURROGACY AGREEMENTS: CORE AND ALTERNATIVE APPROACHES

D.I. Dzhulai

Abstract

Background. This article examines the civil-law nature of surrogacy agreements and the structural features of their legal regulation. Although the research primarily focuses on the civil-law characteristics of such agreements, in certain cases, a set of mandatory norms from public and family law applies to the relevant legal relations. Specifically, the article analyses the influence of constitutional guarantees and medical regulations on the limits of the principle of autonomy of will of the parties, and discusses doctrinal positions proposing alternative models for contract qualification. The key rationale for the significance of this topic is the need to systematize the elements of the legal nature of surrogacy agreements in the absence of specialized regulation and given the high social sensitivity of the legal relations under study.

Purpose. The purpose of this article is to form a holistic understanding of the civil-law characteristics of surrogacy agreements, as well as to identify primary and alternative approaches to their classification within contemporary legal doctrine.

Methodology. This research combines comparative legal, formal doctrinal, and systemic methods, along with a historical-legal approach to the analysis of court decisions and statutory frameworks.

Results. The results of the research include the formulation of original conclusions regarding the complex nature of surrogacy agreements as a specific type of obligatory agreement that combines private-law and public-law elements, as well as the identification of stable classification features that allow defining their civil-law characteristics. Additionally, the article thoroughly substantiates the absence of a fiduciary nature in the relevant legal relations and reveals the significance of public interests in shaping the mandatory restrictions characteristic of this contractual structure.

Practical implications. The practical implications can be applied in the development and improvement of normative legal acts in the field of family and civil law, in expert and legislative activities, as well as within educational courses and scientific-practical commentaries on the regulation of surrogacy and reproductive rights of citizens.

Keywords: artificial insemination; in vitro fertilization; IVF; compensated medical services agreement; surrogacy services agreement; surrogacy; civil-law characteristics

For citation. Dzhulai, D. I. (2025). Civil law characterization of surrogacy agreements: core and alternative approaches. *Russian Studies in Law and Politics*, 9(4), 125–149. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2025-9-4-248>

Введение

Актуальность настоящей статьи обеспечивается тем фактом, что в современном правовом дискурсе вопросы оборота в сфере вспомогательных репродуктивных технологий (*в целом*) гражданско-правовой природы договора суррогатного материнства (*в частности*) остаются одними из наиболее противоречивых и социально значимых. Объектом исследования в данной работе выступает комплекс гражданско-правовых и семейно-правовых отношений, возникающих между генетическими родителями и суррогатной матерью при заключении и исполнении договора об оказании услуг суррогатного материнства. Дополнительная актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на сравнительно длительный период применения данной вспомогательной репродуктивной технологии в России, ключевые аспекты правового статуса сторон, пределы их прав и обязанностей, а также элементы гражданско-правовой характеристики договора суррогатного материнства по-прежнему не получили комплексно и внутренне непротиворечивого законодательного закрепления.

Анализ российской литературы (в т. ч. профильных исследований авторов С. С. Алеевой, Ф. М. Аминовой, О. Н. Артюшиной, Е. В. Бегичевой, Н. Ю. Белокопытовой, Г. В. Богдановой, Т. В. Борисовой, Т. Е. Борисовой, В. Р. Борисовой, Д. Г. Василевича, Д. Н. Давтян-Давыдовой, О. В. Дьяченко, Л. В. Зарапиной, Д. А. Корольковой,

Ю. М. Лавора, Е. В. Лапухова, О. Ю. Лебедевой, С. Е. Митряковой, С. А. Муратовой, Р. Е. Петровой, М. В. Прохоровой, В. В. Ревинной, О. С. Рыбаковой, О. Ю. Рыбакова, А. С. Шабановой и др.) [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29] демонстрирует, что значительное внимание в отечественной доктрине уделяется частным аспектам договора суррогатного материнства, однако отсутствует целостная систематизация его классификационных признаков, позволяющая определить устойчивое место соответствующей договорной конструкции в системе обязательственного права. Настоящая статья восполняет данный пробел, с опорой на действующее законодательство и ключевые доктринальные позиции в профильной российской литературе.

Целью исследования является установление гражданско-правовой природы договора суррогатного материнства и выявление его ключевых классификационных характеристик. В соответствии с заявленной целью в рамках текущего исследования поставлены следующие задачи:

1. выделить основные и альтернативные подходы к классификации элементов гражданско-правовой характеристики и квалификации договора суррогатного материнства;
2. определить основные признаки договора в контексте общих положений обязательственного права;
3. выявить влияние публично-правовых и медицинских факторов на структуру исследуемой договорной конструкции;
4. отдельно проанализировать альтернативные подходы к квалификации договора суррогатного материнства (в т. ч. концепции публично-правовой и фидуциарной природы);
5. дать комплексную оценку гражданско-правовой характеристики договора суррогатного материнства и его места в системе современных договорных конструкций.

Материалы и методы

Исследование выполнено с использованием методов сравнительно-правового и формально-юридического анализа, метода толкова-

ния судебных актов и принципа историко-правовой реконструкции. Материалом послужили статьи и рецензируемые публикации за период 2018-2024 гг. Отдельное внимание уделено последовательному выделению основных и альтернативных доктринальных подходов к определению гражданско-правовой характеристике договора суррогатного материнства.

Результаты и обсуждение

С опорой на ранее изученные особенности гражданско-правовой характеристики договора суррогатного материнства справедливым представляется тезис о том, что соответствующая договорная конструкция воспроизводится в правоприменительной практике как устойчивая разновидность непоименованного обязательственного договора, подчиняющегося общим правилам Главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] и одновременно обладающего рядом отличительных характеристик, предопределенных спецификой объекта и социально-чувствительным характером правоотношений сторон. Как обоснованно отмечается в доктрине (в т. ч. В. Р. Борисовой, О. Н. Артюшиной, М. В. Прохоровой, С. С. Алеевой и другими исследователями) [12; 14; 16], договор суррогатного материнства может быть охарактеризован как инструмент правового оформления отношений участников соответствующей программы вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), структурированный в границах обязательственного права, но не сводимый полностью к классическим договорным моделям возмездного оказания услуг.

Тем не менее, несмотря на относительный консенсус о содержании договора суррогатного материнства (мнения о гражданско-правовой природе исследуемой договорной конструкции придерживается подавляющее большинство цитируемых в настоящей статье авторов – в т. ч. С. С. Алеева, Ф. М. Аминова, В. Р. Борисова, О. Н. Артюшина, М. В. Прохорова и др.) [12; 13; 14; 16], актуальным остается вопрос о корректной гражданско-правовой характеристике договора суррогатного материнства, с точки зрения классических для доктрины цивилистики классификационных критериев. Так, принципиальным

значением обладает вопрос о форме договора суррогатного материнства, т. к. именно формальная процедура заключения соглашения определяет пределы допустимости доказательств, механизм проверки действительности волеизъявления сторон и степень правовой защищенности участников соответствующего обязательства. В силу прямого указания положений *ч. 9 ст. 55 Федерального закона №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. (далее – ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья»)*, договор о суррогатном материнстве заключается в письменной форме [8]. При этом, т. к. иных указаний о необходимости нотариального удостоверения в федеральном законодательстве РФ не содержится, данное обстоятельство формально указывает на достаточность *простой письменной формы*.

В то же время в российской литературе широко представлены аргументы в пользу признания устоявшейся практики *нотариального удостоверения договоров суррогатного материнства*. В частности, как подчеркивает С. А. Муратова, минимальная формализация простой письменной формы «не соответствует сложности правоотношений и характеру возникающих последствий», что влечет необходимость нормативного усиления требований к форме договора [26]. В частности, автор последовательно аргументирует введение обязательной нотариальной формы как механизма повышения доказательственной силы соглашения и снижения степени правовой неопределенности, особенно в ситуациях потенциальных споров о происхождении ребенка или объеме прав сторон. Сходную позицию разделяют Ю. М. Лавор, В. Р. Борисова, Е. В. Бегичева и О. С. Рыбакова, указывающие, что нотариальное удостоверение выполняет не только техническую, но и консультативно-превентивную функцию, снижая вероятность последующего оспаривания соглашения в условиях отсутствия специального законодательства о суррогатном материнстве [23; 16; 28]. Таким образом, договор о суррогатном материнстве относится к числу сделок, требующих обязательной письменной формы с возможностью нотариального удостоверения по усмотрению сторон.

В соответствии с критерием классификации по количеству лиц, которые вправе принимать ключевые решения по сделке, договор суррогатного материнства, безусловно следует характеризовать как *взаимосогласованное соглашение*, т. к. он носит переговорный, взаимосогласованный характер и не может быть отнесен к договорам присоединения по смыслу *ст. 428 ГК РФ* [4]. Как справедливо указывают О. Н. Артюшина и М. В. Прохорова, каждый частный случай достижения соглашения в рамках договора суррогатного материнства представляет собой уникальную гражданско-правовую конструкцию, поскольку в тексте соответствующего договора учитываются индивидуальные характеристики сторон, медицинские показания, социальные условия и иные обстоятельства, невозможные к обобщению [14].

Более того, в силу положений *ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья»* и рекомендаций, предусмотренных *Приказом Минздрава России №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» от 31.07.2020 г. (далее – Приказ №803н «О применении ВРТ»)*, предмет данного соглашения связан с оказанием крайне специфических услуг, завязанных на гендерных, медицинских, репродуктивных, социальных и семейно-правовых характеристиках всех участников рассматриваемых правоотношений, а сама специфика договора суррогатного материнства требует обязательного индивидуального согласования условий соглашения [8].

В свою очередь, по времени (*моменту*) возникновения правоотношений договор суррогатного материнства однозначно относится к *консенсуальным* (по смыслу *ст. 433 ГК РФ*), т. к. он вступает в силу с момента его подписания, а не с момента осуществления ЭКО или имплантации эмбриона генетических родителей [4]. Так, на примере положений *Модельного договора о предоставлении услуг суррогатного материнства СПС «Гарант» (актуального на ноябрь 2025 г.)* можно проследить, что договор вступает в силу с момента его подписания, а не с момента осуществления ЭКО или имплантации эмбриона генетических родителей, что позволяет сделать вывод в

пользу того, что правоотношения между сторонами возникают с момента достижения договоренности об участии в соответствующей ВРТ, а не в момент совершения каких-либо юридически-значимых действий [11].

Ни в одной из рассмотренных доктринальных позиций не содержится явных аргументов или косвенных признаков, позволяющих утверждать, что договор об оказании услуг суррогатного материнства обладает реальной природой. Напротив, С. С. Алеева и О. Ю. Лебедева указывают на то, что обязательства по оплате, обязанность предоставления документов, обязанность прохождения обследований и согласование порядка медицинского сопровождения должны быть исполнены в рамках уже возникших договорных отношений, в противном случае – сторонами утрачиваются правовые основания для предъявления соответствующих требований при нарушении договорных обязательств [12; 25]. При этом практическая значимость консенсуальной модели подтверждается, как минимум, двумя значимыми особенностями реализации программы суррогатного материнства:

- *во-первых*, консенсуальный характер договора суррогатного материнства позволяет сторонам заранее урегулировать риски и механизмы ответственности на случай, если медицинская реализация программы станет невозможной по объективным причинам или будет осложнена по вине генетических родителей, суррогатной матери или медицинской организации;
- *во-вторых*, возникновение правоотношений с момента достижения договоренности об участии в соответствующей ВРТ позволяет формализовать обязательства, связанные с предоставлением информированного согласия, прохождением преимплантационного генетического тестирования (ПГТ), диагностикой наследственных заболеваний, возложением материальных обязательств и иными действиями, которые должны быть выполнены до начала медицинских процедур или терапевтического вмешательства.

В то же время для договоров возмездного оказания услуг, как правило, характерна двусторонняя структура, в рамках которой

каждая сторона наделена одновременно правами и обязанностями, соотносимыми и контролируруемыми в рамках единой договорной конструкции, и договор об оказании услуг суррогатного материнства не является исключением из данного правила. В частности, как справедливо отмечается О. Н. Аргюшиной и М. В. Прохоровой, исследуемая договорная конструкция представляет собой именно *двусторонне-обязывающее соглашение* [14], в рамках которого каждая из сторон принимает на себя значительный объем обязательств, согласованных в порядке диспозитивного правового регулирования, но подчиненных ряду императивных требований (*в т. ч. требований, предусмотренных ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья» и положениями Приказа №803н «О применении ВРТ»*) [8].

Так, суррогатная мать, выступающая по сути исполнителем задания заказчиков в лице генетических родителей, обязуется совершить определенные действия по участию во вспомогательной репродуктивной программе суррогатного материнства с обязанностью дальнейшей передачи ребенка генетическим родителям (*чаще всего – в обмен на установленное договором вознаграждение, а также текущие выплаты по содержанию суррогатной матери на период беременности*). В свою очередь, генетические родители берут на себя обязанности по подготовке и предоставлению всех необходимых документов для проведения программы суррогатного материнства, выбору соответствующей медицинской организации, соблюдению всех предписаний и рекомендаций сотрудников учреждения, осуществляющих медицинское и процедурное сопровождение ВРТ, а также своевременной оплате всех текущих расходов и предусмотренных законом и договором выплат в пользу суррогатной матери. Такое взаимное корреспондирование обязанностей отвечает признакам взаимного (*синаллагматического*) договора.

С точки зрения критерия строгости регулирования и соотношения императивных и диспозитивных начал, правовой режим договора суррогатного материнства носит *смешанный характер*. Несмотря на частноправовую сущность и типологическую близость к договору возмездного оказания услуг (*регулируемого положения*

Главы 39 ГК РФ), структура соответствующих правоотношений формируется на стыке частного и публичного регулирования, что влечет за собой наличие значительного количества императивных ограничений (в т. ч. ограничения субъектного состава и базовые требования в сфере оказания услуг суррогатного материнства, предусмотренные положениями ч. 9 ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья»), сдерживающих автономию воли сторон [8]. Соответствующее сочетание также отмечается в исследованиях С. А. Муратовой, Ф. М. Аминовой, О. Ю. Лебедевой и Л. В. Зарапиной, подчеркивающих, что *de jure* исследуемая договорная конструкция имеет гражданско-правовую природу, но практически реализуется в пространстве жестко регламентированного медицинского вмешательства [13; 21; 25; 27].

В то же время, несмотря на то, что в тексте договора об оказании услуг суррогатного материнства, как правило, отсутствует указание на конкретные календарные даты, данное соглашение следует относить к числу *срочных договоров*. Как подчеркивают О. Н. Артюшина и М. В. Прохорова, договор об оказании услуг суррогатного материнства вступает в силу с момента его подписания и действует до завершения программы, исполнения сторонами в полном объеме и надлежащим образом возложенных на них обязанностей [14]. Следовательно, в отсутствие указания в тексте договора на конкретные календарные даты, временные рамки обязательства определяются через наступление юридически значимого события, а именно – завершения программы суррогатного материнства, охватывающего период от подписания договора до передачи опеки над ребенком генетическим родителям. Такой подход согласуется с конструкцией срочного обязательства, закрепленной в общей теории обязательственного права и подтверждаемой в исследованиях авторов О. Н. Артюшиной, М. В. Прохоровой и В. Р. Борисовой, подчеркивающих, что само содержание договора предопределяет невозможность его функционирования в режиме неопределенного или бессрочного действия [14; 16].

С точки зрения критериев основания возникновения обязательств, договор суррогатного материнства следует относить к *каузальным*

соглашениям, т. к. его заключение всегда определено конкретной правовой целью, а именно – реализацией программы суррогатного материнства. Соответствующая характеристика прямо вытекает из положений ч. 9 ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья», в силу которых договор заключается именно в целях вынашивания и рождения ребенка от генетических родителей [8], при наличии медицинских показаний и в условиях соблюдения установленных Приказом №803н «О применении ВРТ» требований и рекомендаций медицинского характера [9]. Более того, соответствующий вывод прямо подтверждается и доктринальными источниками. Так, С. С. Алеева, В. Р. Борисова, О. Н. Артюшина и М. В. Прохорова подчеркивают, что правовую структуру договора суррогатного материнства невозможно отделять от его цели в форме закрепления согласованных действий сторон по осуществлению ЭКО, эмбриональной имплантации, вынашиванию и передаче ребенка под опеку генетических родителей, т. к. в отсутствие четкой направленности на ее достижение соглашение утрачивает свой правоустанавливающий смысл [12; 14; 16].

Наконец, классификация гражданско-правовых договоров по характеру встречного предоставления традиционно опирается на положения ст. 423 ГК РФ и служит важным инструментом для оценки экономической составляющей обязательства [4]. Современная практика заключения договоров суррогатного материнства позволяет констатировать, что, несмотря на предусмотренную положениями ч. 9 ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья» возможность безвозмездного оказания соответствующих услуг, подавляющее большинство соглашений в сфере ВРТ являются возмездными. Как показывают профильные исследования Е. В. Лапухова и С. С. Алеевой, система встречного предоставления в рамках этих соглашений включает как фиксированное основное вознаграждение, так и дополнительные выплаты – компенсации, выплаты при осложненном течении беременности, доплаты в связи с многоплодной беременностью и иные элементы, формирующие многокомпонентную структуру имущественного эквивалента [12; 24].

Возмездный характер обязательства в данном случае выступает не только юридической характеристикой, но и инструментом пере-

распределения рисков, связанных с медицинской и физиологической природой обязательства. Следовательно, договор суррогатного материнства следует квалифицировать как *преимущественно возмездный, но допускающий безвозмездную форму, если на то направлена встречная воля сторон*. Таким образом, договор об оказании услуг суррогатного материнства демонстрирует значительное отклонение от классических моделей в силу своей комплексной правовой природы, охватывающей как обязательственные, так и элементы социальной функции, а в ряде аспектов – и некоторой семейно-правовой специфики. В целях наглядного отображения правовой классификации по основным гражданско-правовым критериям к рассмотрению предлагается соответствующая таблица (см. Таблица 1).

Таблица 1.

**Классификации договора об оказании услуг суррогатного материнства,
с точки зрения критериев видов гражданско-правовых договоров**

Критерий классификации	Результат классификации (определенный вид договора)	Комментарий
По форме договора	Простая письменная	Форма определена законом в силу ч. 9 ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья». В практике встречается нотариально заверенная письменная форма договора суррогатного материнства.
По числу лиц, которые вправе согласовывать условия договора	Взаимосогласованный	В соответствии с природой договора и сложившейся практикой, соглашение требует проведения переговоров и индивидуального обсуждения существенных условий.
По времени возникновения правоотношений	Консенсуальный	Взаимные права и обязанности суррогатной матери и генетических родителей возникают с момента подписания договора.
По распределению обязанностей	Двусторонний (двусторонне-обязывающий)	Обе стороны (суррогатная мать и генетические родители) наделены комплексом взаимных обязанностей и прав. Несмотря на различие в содержании этих обязанностей, структура правоотношений носит характер взаимно-обязывающей.

По строгости регулирования (<i>соотношению императивных и диспозитивных начал</i>)	Смешанный (императивно-диспозитивный)	Императивные требования (ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья», ст. 51 СК РФ) касаются формы, субъектного состава и цели договора. В то же время объем выплат, сроки, состав расходов и иные условия оставлены на усмотрение сторон.
По срокам действия договора	Срочный	Исполнение обязательств происходит с завершением вспомогательной репродуктивной программы «Суррогатного материнства» и передачей опеки над ребенком в пользу генетических родителей.
По связи с правовым основанием	Каузальный	Цель соглашения определена в силу положений ч. 9 ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья». В частности, целью выступает реализация вспомогательной репродуктивной программы «Суррогатного материнства» с последующим вынашиванием, рождением и передачей опеки над ребенком в пользу генетических родителей.
По характеру вознаграждения	Возмездный (преимущественно) / Безвозмездный	Хотя подавляющее большинство договоров об оказании услуг суррогатного материнства являются возмездными, положениями ч. 9 ст. 55 ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья» также предусмотрена опция установления безвозмездного характера соглашения, с сохранением императивных требований по материальному содержанию суррогатной матери за счет генетических родителей.

Безусловно, следует также отметить, что в отечественной доктрине в последние годы встречаются некоторые альтернативные характеристики договора суррогатного материнства, которые, хотя и не получают широкого признания, оказывают методологическое влияние на обсуждение правовой природы соответствующих правоотношений. Одним из таких подходов является тезис о наличии в договоре *публично-правовых элементов*. Данная позиция не предполагает отхода от квалификации сделки как гражданско-правовой, но акцентирует внимание на том, что регулирование суррогатного материнства неизбежно опирается на комплекс императивных норм,

ориентированных на защиту интересов особо значимых социальных ценностей и отражающих определенный публично-правовой интерес государства в обеспечении законности реализации вспомогательных репродуктивных процедур.

Так, по мнению В. Р. Борисовой, публично-правовой элемент проявляется прежде всего в конституционном значении защиты институтов семьи, отцовства, материнства и детства (*закрепленном положениями ст. 38 Конституции РФ*) [1], а также в приоритете охраны прав ребенка, который обуславливает необходимость государственного контроля за допуском граждан к ВРТ, порядком информированного добровольного согласия, медицинскими требованиями к участникам и иными ограничениями [16]. Соответствующие обстоятельства объясняют, почему договор суррогатного материнства реализуется в условиях значительно более высокой степени императивности, чем большинство частноправовых соглашений, что, однако, не меняет его отраслевую природу, а лишь указывает на плотное взаимодействие частноправовых и публично-правовых начал в рамках медицинского и семейно-правового регулирования.

Другой альтернативной точкой зрения, не получившей широкого распространения в российской гражданско-правовой доктрине, выступает *предположение о фидуциарном характере правоотношений между генетическими родителями и суррогатной матерью*. Соответствующие идеи встречаются в работах Р. Е. Петровой, Е. В. Бегичевой, В. В. Ревинной, О. С. Рыбаковой, О. Ю. Рыбакова, А. С. Шабановой, Г. В. Богдановой, Ю. О. Лебедевой, Е. В. Лапухова, С. Е. Митряковой, Ф. М. Аминовой [13; 15; 24; 25; 26; 28; 29] и некоторых других исследователей, указывающих на личный доверительный характер отношений, наличие значимого риска и особую этическую чувствительность процесса гестации. В соответствующих исследованиях предпринята попытка сблизить договор суррогатного материнства с фидуциарными конструкциями на основании исходного тезиса о том, что в процессе вынашивания суррогатная мать якобы «управляет» процессом вынашивания как специфическим «нематериальным активом» генетических родителей.

Тем не менее, данная позиция, безусловно, является методологически уязвимой и не может быть признана обоснованной ни с точки зрения теории гражданского права, ни с позиций действующего законодательства. Как справедливо подчеркивает Д. А. Королькова, фидуциарное правоотношение предполагает управление имуществом или правами бенефициара от его имени и в его интересах, что сопровождается особыми стандартами лояльности и запретом на извлечение выгоды [22]. В договоре суррогатного материнства подобный элемент отсутствует, т. к. суррогатная мать не распоряжается активом генетических родителей, не осуществляет юридически значимые действия от их имени, не управляет их имущественными правами и не действует в режиме доверительного управления. Она реализует собственное, исключительно личное, «физиологическое» и репродуктивное участие в вынашивании плода, оказывая соответствующую услугу, а не распоряжаясь эмбрионом генетических родителей. Следовательно, сама структура обязательства не допускает квалификации данных отношений как фидуциарных.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, к рассмотрению предлагаются следующие положения и обобщенные выводы, вытекающие из анализа договорной конструкции суррогатного материнства, сопоставления подходов современной доктрины и изучения вопросов классификации соответствующих обязательств. Ниже представлены основные зависимости и взаимосвязи, установленные в ходе изучения выбранной проблематики.

1. Сделан вывод о том, что договор суррогатного материнства представляет собой непоименованную, но устойчиво сложившуюся в практике и признанную наукой гражданско-правовую конструкцию, подчиняющуюся действующим положениям Главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг. При этом выявлены и аргументированы особенности, выводящие соответствующее соглашение за пределы классических моделей возмездного оказания услуг, в т. ч. комплексная природа обязательства (*обусловленная медицинскими, социальными*

и семейно-правовыми обстоятельствами), наличие специфической социальной функции и взаимодействие с нормами публичного и семейного права. Вместе с тем установлено, что данные элементы не трансформируют обязательственно-правовую основу исследуемого договора, а лишь предопределяют необходимость учета публичных интересов и строго регламентированных условий участия субъектов в программе суррогатного материнства.

2. Анализ альтернативных доктринальных характеристик показывает, что договор суррогатного материнства обоснованно квалифицируется в российской науке как разновидность договора возмездного оказания услуг со сложной социально-этической природой. При этом предположения ряда авторов о фидуциарном характере соответствующих правоотношений не находят убедительного подтверждения с учетом современных представлений об организации фидуциарных элементов и отсутствия в договоре суррогатного материнства ключевого структурообразующего элемента – управления имуществом или правами бенефициара. Наряду с этим выявлено, что публично-правовой элемент института суррогатного материнства проявляется не в изменении отраслевой природы договора, а в действии комплекса императивных норм, направленных на защиту интересов ребенка, охрану института семьи и обеспечение законности реализации программы ВРТ. Таким образом, усиление публично-правового компонента определяет характер регулирования, но не отменяет базовой гражданско-правовой квалификации договора.

3. Из результатов проведенного анализа следует, что договор суррогатного материнства обладает сложной и многоуровневой правовой природой, объединяющей признаки простой письменной формы, взаимосогласованной воли сторон, консенсуальных и двусторонних обязательств, срочного и каузального характера, а также императивно-диспозитивной структуры правового регулирования. Выявленное сочетание частноправовых и публично-правовых начал демонстрирует специфику исследуемой договорной конструкции и одновременно подтверждает ее органическое включение в современную систему гражданско-правовых обязательств, в рамках которой

социальная функция договора не изменяет его обязательно-правовой природы, но обуславливает повышенные требования к регулированию, правовой технике и механизму обеспечения интересов всех участников программы.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. *Конституция Российской Федерации* (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. *Федеральный конституционный закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14.03.2020 г.* [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
3. *Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995 г. (последняя редакция).* [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/062dc2e007c56e8d7bef623d85e867a4b0e99a1d/
4. *Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 г. (последняя редакция).* [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
5. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 г. (последняя редакция).* [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». По-

- лучено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
6. *Федеральный закон № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 г. (последняя редакция)*. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
 7. *Федеральный закон № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» от 20.05.2002 г. (последняя редакция)*. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36728/
 8. *Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. (последняя редакция)*. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/1b2f0b377563c81357ffcf750bad74a3c69f37/
 9. *Приказ Минздрава России № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» от 31.07.2020 г. (последняя редакция)*. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/
 10. *Приказ Минздрава России № 39 «Об утверждении Положения о Департаменте медицинской помощи детям, службы родовспоможения и общественного здоровья Министерства здравоохранения Российской Федерации» от 28.01.2022 г. (последняя редакция)*. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Получено 10 ноября 2025 г. из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409504/
 11. *Примерная форма договора о предоставлении услуг суррогатного материнства (2025)*. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «Гарант». Получено 10 ноября 2025 г. из: <https://base.garant.ru/4059959/>

12. Алеева, С. С. (2022). Нарушение условий исполнения договора о суррогатном материнстве. *Образование и право*, 12, 152–155. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-152-155>. EDN: <https://elibrary.ru/GNELOV>
13. Аминова, Ф. М. (2022). *Правовая природа договора суррогатного материнства*: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук (27 с.). Душанбе.
14. Артюшина, О. Н., & Прохорова, М. В. (2018). Правовая природа договора о суррогатном материнстве. *Вестник КГУ*, 1, 234–238. EDN: <https://elibrary.ru/YUPAUL>
15. Кременец, М. Ю. (2022). Правовая природа договора о суррогатном материнстве. *Вопросы российской юстиции*, 20, 149–157. EDN: <https://elibrary.ru/JPJGPW>
16. Борисова, В. Р. (2022). Природа договора суррогатного материнства. *Закон и право*, 3, 229–232. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-3-229-232>. EDN: <https://elibrary.ru/TNDHEB>
17. Грицаева, Н. Б. (2024). Правовая природа и характеристика договора о суррогатном материнстве. *Молодой учёный*, 47(546), 165–167.
18. Борисова, Т. Е. (2015). *Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики* (144 с.). Москва: Проспект.
19. Василевич, Д. Г. (2023). Суррогатное материнство: белорусский и российский опыт. *Вестник экономической безопасности*, 1, 36–43. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-36-43>. EDN: <https://elibrary.ru/HFYUOW>
20. Давтян-Давыдова, Д. Н. (2024). Договор суррогатного материнства: правовая природа и проблемы правового регулирования. *Legal Concept*, 23(2), 48–54. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.6>. EDN: <https://elibrary.ru/ABPPUH>
21. Зарапина, Л. В., Белокопытова, Н. Ю., & Дьяченко, О. В. (2021). Понятие и правовая природа суррогатного материнства. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 3, 103–108. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-103-108>. EDN: <https://elibrary.ru/MTNHOC>
22. Королькова, Д. А. (2025). *Фидуциарные сделки, правоотношения и ответственность*. [Электронный ресурс]. Информационно-право-

- вой портал «Юрист компании. Практический журнал для юриста». Получено 10 ноября 2025 г. из: <https://www.law.ru/article/28065-fidutsiarnye-sdelki-pravootnosheniya-i-otvetstvennost>
23. Лавор, Ю. М. (2018). Форма договора суррогатного материнства. *Вестник Томского государственного университета. Право*, 30, 170–174. <https://doi.org/10.17223/22253513/30/14>. EDN: <https://elibrary.ru/YTNSMH>
24. Хазова, О. А. (2021). Стороны договора суррогатного материнства: анализ некоторых проблем. *Проблемы репродукции*, 27(2), 26–32.
25. Редькина, П. В. (2025). Правовая природа договора суррогатного материнства. *Молодой учёный*, 11(562), 201–204. EDN: <https://elibrary.ru/GMMACU>
26. Дьякова, Ю. В. (2018). Правовая природа договора суррогатного материнства. В *Право: современные тенденции: материалы VI Международной научной конференции (г. Краснодар, октябрь 2018 г.)* (с. 41–43). Краснодар: Новация. EDN: <https://elibrary.ru/PGZLIJ>
27. Муратова, С. А. (2021). Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства. *Вестник Московского университета МВД России*, 6, 198–202. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-198-202>. EDN: <https://elibrary.ru/SZBHMM>
28. Петрова, Р. Е., Бегичева, Е. В., Ревина, В. В., Рыбакова, О. С., & Рыбаков, О. Ю. (2022). Определение правовой природы договора суррогатного материнства и его отраслевой принадлежности в рамках вспомогательных репродуктивных технологий. *Профилактическая медицина*, 25(5), 7–13. <https://doi.org/10.17116/profmed2022250517>. EDN: <https://elibrary.ru/FFNXPO>
29. Шабанова, А. С. (2019). Рисковый характер договора суррогатного материнства. *Право и практика*, 3, 182–188. EDN: <https://elibrary.ru/NHFGCM>

References

1. *The Constitution of the Russian Federation* (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference*

-
- system. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ “*On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority*” of March 14, 2020 [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
 3. *Family Code of the Russian Federation* No. 223-FZ of December 29, 1995 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/062dc2e007c56e8d7bef623d85e867a4b0e99a1d/
 4. *Civil Code of the Russian Federation* No. 51-FZ of November 30, 1994 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
 5. *Civil Procedure Code of the Russian Federation* No. 138-FZ of November 14, 2002 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
 6. Federal Law No. 143-FZ “*On acts of civil status*” of November 15, 1997 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
 7. Federal Law No. 54-FZ “*On the temporary ban on human cloning*” of May 20, 2002 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36728/
 8. Federal Law No. 323-FZ “*On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation*” of November 21, 2011 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/1b2f0b377563c81357ffcfe750bada74a3c69f37/
 9. Order of the Ministry of Health of Russia No. 803n “*On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications, and*

- restrictions to their use*” of July 31, 2020 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/
10. Order of the Ministry of Health of Russia No. 39 “*On approval of the Regulation on the Department of Medical Care for Children, Maternity Services, and Public Health of the Ministry of Health of the Russian Federation*” of January 28, 2022 (latest edition) [Electronic resource]. *ConsultantPlus legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409504/
 11. *Sample form of a surrogacy services agreement (2025)* [Electronic resource]. *Garant legal reference system*. Retrieved November 10, 2025, from: <https://base.garant.ru/4059959/>
 12. Aleeva, S. S. (2022). Violation of the terms of a surrogacy agreement. *Education and Law*, 12, 152–155. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-152-155>. EDN: <https://elibrary.ru/GNELOV>
 13. Aminova, F. M. (2022). *The legal nature of a surrogacy agreement: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences (27 p.)*. Dushanbe.
 14. Artyushina, O. N., & Prokhorova, M. V. (2018). The legal nature of a surrogacy agreement. *Bulletin of KSU*, 1, 234–238. EDN: <https://elibrary.ru/YUPAUL>
 15. Kremenets, M. Yu. (2022). The legal nature of a surrogacy agreement. *Issues of Russian Justice*, 20, 149–157. EDN: <https://elibrary.ru/JPJGPW>
 16. Borisova, V. R. (2022). The nature of a surrogacy agreement. *Law and Legislation*, 3, 229–232. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-3-229-232>. EDN: <https://elibrary.ru/TNDHEB>
 17. Gritsaeva, N. B. (2024). The legal nature and characteristics of a surrogacy agreement. *Young Scientist*, 47(546), 165–167.
 18. Borisova, T. E. (2015). *Surrogacy in the Russian Federation: issues of theory and practice (144 p.)*. Moscow: Prospekt.
 19. Vasilevich, D. G. (2023). Surrogacy: Belarusian and Russian experience. *Bulletin of Economic Security*, 1, 36–43. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-36-43>. EDN: <https://elibrary.ru/HFYIOW>

-
20. Davtyan Davydova, D. N. (2024). Surrogacy agreement: legal nature and issues of legal regulation. *Legal Concept*, 23(2), 48–54. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.6>. EDN: <https://elibrary.ru/ABPPUH>
21. Zarapina, L. V., Belokopytova, N. Yu., & Dyachenko, O. V. (2021). The concept and legal nature of surrogacy. *Legal Bulletin of Dagestan State University*, 3, 103–108. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-103-108>. EDN: <https://elibrary.ru/MTNHOC>
22. Korolkova, D. A. (2025). Fiduciary transactions, legal relationships, and liability [Electronic resource]. *Information and legal portal “Lawyer of the Company. Practical Journal for Lawyers”*. Retrieved November 10, 2025, from: <https://www.law.ru/article/28065-fidutsiarnye-sdelki-pravootnosheniya-i-otvetstvennost>
23. LAVOR, Yu. M. (2018). The form of a surrogacy agreement. *Tomsk State University Journal of Law*, 30, 170–174. <https://doi.org/10.17223/22253513/30/14>. EDN: <https://elibrary.ru/YTNSMH>
24. Khazova, O. A. (2021). Parties to a surrogacy agreement: analysis of certain issues. *Reproduction Issues*, 27(2), 26–32.
25. Redkina, P. V. (2025). The legal nature of a surrogacy agreement. *Young Scientist*, 11(562), 201–204. EDN: <https://elibrary.ru/GMMACU>
26. Dyakova, Yu. V. (2018). The legal nature of a surrogacy agreement. In *Law: modern trends: proceedings of the VI International Scientific Conference* (Krasnodar, October 2018) (pp. 41–43). Krasnodar: Novatsiya. EDN: <https://elibrary.ru/PGZLIJ>
27. Muratova, S. A. (2021). Legislative regulation and the legal nature of a surrogacy agreement. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6, 198–202. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-198-202>. EDN: <https://elibrary.ru/SZBHMM>
28. Petrova, R. E., Begicheva, E. V., Revina, V. V., Rybakova, O. S., & Rybakov, O. Yu. (2022). Determining the legal nature of a surrogacy agreement and its sectoral affiliation within assisted reproductive technologies. *Preventive Medicine*, 25(5), 7–13. <https://doi.org/10.17116/profmed2022250517>. EDN: <https://elibrary.ru/FFNXPO>
29. Shabanova, A. S. (2019). The risky nature of a surrogacy agreement. *Law and Practice*, 3, 182–188. EDN: <https://elibrary.ru/NHFGCM>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Джулай Дмитрий Иванович, аспирант кафедры частно-правовых
(цивилистических) наук
НОЧУ ВО «Московский Университет «Синергия»
ул. Мещанская, 9/14 стр. 1, г. Москва, 129090, Российская
Федерация
ddi@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii I. Dzhulai, Postgraduate Student of the Department of Private
Law (Civil) Sciences
Moscow University “Synergy”
9/14, building 1, Meshchanskaya Str., Moscow, 129090, Russian
Federation
ddi@list.ru

Поступила 13.11.2025

После рецензирования 09.12.2025

Принята 12.12.2025

Received 13.11.2025

Revised 09.12.2025

Accepted 12.12.2025